

Он всегда сидел впереди класса. Он несколько сгорбился в кресле; Думаю, он чувствовал себя неловко, потому что был высоким. Нет, не высокий, но он был настолько худым, что казался выше, чем был на самом деле. У него были каштановые волосы, коротко подстриженные и хорошо уложенные. У него были карие глаза, и иногда он появлялся с парой очков в проволочной оправе на носу, а иногда у него были контактные линзы.

Он никогда не общался с другими в подготовительном классе A-Level. Он представился как Дэвид Барнс и больше ничего не сказал. Насколько мне известно, у него не было друзей. Он был полным одиночкой, всегда на стороне.

Я знаю, что его несколько раз приглашали на общественные мероприятия, запланированные другими взрослыми, но он всем отказывался.

Однажды я пришел туда пораньше и нашел его сидящим на диване в вестибюле здания. Он просто читал текст. Я поздоровался с ним, а он лишь хмыкнул в ответ. Он был холоден ко всем. Я поспрашивал, и люди сказали, что мало что о нем знают. Он редко отвечал на вопросы и никогда не говорил добровольно.

Где-то по пути я стал одержим им. Не потому, что он мне тогда нравился, а потому, что я не могла понять, как кто-то может выжить в полной изоляции от общества. Наверное, я человек.

Первая беседа, которую мы провели, состоялась за месяц до окончания курса, который я вел. Я снова нашел его сидящим в вестибюле и просто занимающимся. Я просто начал говорить обо всем, что пришло мне в голову. Я думаю, что он наконец начал говорить, потому что был так раздражен. К моему удивлению, он не был груб, или, скорее, он не оскорбил меня и не сказал мне уйти и заткнуться, как я ожидал.

Сначала он просто игнорировал меня, надеясь, что я уйду. Наконец он понял, что я никуда не собираюсь, и ответил на мои слова, что на самом деле удивило меня настолько, что я ненадолго замолчал. Я увидел, как он ухмыльнулся, и снова начал говорить.

Я действительно не помню всего, что я сказал, но я помню, как он, наконец, просто вздохнул, отложил книгу и обратил свое внимание на меня. Именно тогда он действительно начал участвовать в разговоре. Он по-прежнему молчал. Я должен был взять на себя инициативу в разговоре, и он по-прежнему не сообщал никакой информации без вопроса, чтобы незаконно это сделать, но отвечал более чем односложно.

Я не знаю, где я набрался смелости, но в конце концов я просто спросил его: «Почему ты изолировал себя? У тебя нет друзей?»

Он напрягся, и его глаза стали такими холодными, что я подумал, что он просто собирается встать и уйти. «Извините, — сказал я, — я не должен был об этом спрашивать».

Он посмотрел на меня, хотя мне казалось, что он смотрит сквозь меня, а затем снова

расслабился, когда я сменила тему. — Так что ты собираешься делать, когда закончишь этот курс?

«Я собираюсь поступать в университет».

"Что вы будете изучать?"

Он немного помолчал, а затем ответил: «Я еще не уверен. Я даже не знаю, что мне нравится, я так давно не учился».

"Почему это?"

Он вздохнул: «Просто... я бросил школу в подростковом возрасте... это было не самое счастливое время. Я наконец-то обрел здравый смысл и решил вернуться в школу».

Этот тихий человек был мятежным подростком? Я вообще не мог этого видеть.

— Ну, у тебя теперь есть работа?

«Да, я работаю в буровой компании Grunnings».

Наш разговор продолжался, пока урок не должен был начаться. Это был первый из многих. Он как будто смирился с судьбой, что я хотела с ним поговорить. Я полагаю, он находил некоторую радость в этих разговорах, потому что приходил рано, хотя знал, что я буду там.

Занятия закончились за несколько дней до того, как взрослые должны были сдать экзамены A-Levels. В тот день я приехал туда особенно рано, надеясь подольше поговорить с Дэвидом. Он пришел через пять минут после того, как я пришел. За последний месяц я довольно хорошо научился читать его эмоции. Я мог сказать, что он был слегка удивлен и доволен, хотя я сомневался, что кто-либо из его одноклассников смог бы это сказать.

— Кэтрин, ты рано.

«Я знаю, что это последний урок, который у тебя будет со мной, но я надеюсь, что мы все еще можем быть друзьями». — сказал я, подумав про себя, как банально это прозвучало.

Он сел и на мгновение посмотрел на свои руки: «Сегодня я уволился с работы, чтобы полностью сосредоточиться на университете после того, как сдам тесты на следующей неделе», — легкая улыбка скользнула по его лицу, когда он продолжил: «Один из моих коллег». -рабочий расстроился из-за того, что я уволился -почему-то я ему нравлюсь больше, потому что я почти никогда не разговариваю, я просто делаю работу, и ему это нравится. Отвратительный человек на самом деле, я ему нравился только потому, что он мог присвоить

себе мою работу. разозлился на меня сегодня, потому что я уволился, и он больше не может меня использовать. Я был зол, поэтому я пошел и купил кучу акций в компании - если я буду продолжать в том же духе, я буду владеть достаточной частью компании чтобы его уволили».

Я понятия не имел, почему он говорит мне это, но я был рад, что он впервые добровольно поделился информацией.

«Я хочу продолжить нашу дружбу, Кэтрин. Я понял это, когда сегодня уезжал из Граннингса, и хотел рассказать кому -нибудь об этом».

Я с облегчением улыбнулась: «Спасибо, Дэвид, мне бы не хотелось, чтобы ты стал таким, каким был, когда я впервые увидел тебя».

Верные его слову, мы остались друзьями. Наши отношения долгое время не были романтическими. У нас была совершенно платоническая дружба. Я даже жаловалась ему на парней, с которыми встречалась, как на одну из своих подруг.

Наше первое свидание, наш первый поцелуй, если уж на то пошло, произошло очень интересным образом. Поскольку он учился в том же университете, где я был аспирантом, мы иногда сталкивались друг с другом в кампусе или вместе обедали (ни один из нас не думал о том, чтобы поесть вместе, когда мы случайно столкнулись друг с другом, свидание). Я был снаружи на дворе, и аспирант Брайан, который практически преследовал меня, пытался пригласить меня на свидание. Я не хотел быть откровенно грубым с ним, потому что на самом деле он был хорошим парнем — я просто не хотел с ним встречаться. Я отказалась от свидания, но он не понял, что я не заинтересован. Дэвид подошел ко мне сзади, услышал, что происходит, и, прочитав выражение моего лица, понял, что мне нужна помощь.

Он обнял меня за талию и поцеловал в щеку: «Итак, мы все еще на сегодняшнем ужине и концерте?» он сказал.

Я чуть не расхохотался. Я увидела, как расширились глаза Брайана, когда повернулась и поцеловала Дэвида в губы. Как только Брайан ускорил это, я рассмеялся. Дэвид усмехнулся, а затем сказал: «Итак, не хочешь ли ты сегодня пойти на ужин и на концерт?»

Я принял.

Наши отношения постепенно перешли от платонических к романтическим. Мы начали встречаться исключительно, когда он был на втором курсе университета и хорошо учился по программе подготовки к медицине. В день его выпуска мы пошли праздновать в тот же ресторан, где были на первом свидании. Потом он повел меня на концерт под открытым небом, и мы сели на одеяло. Там он сделал мне предложение. Глядя на звезды, слушая Симфонию Нового Света, сидя на одеяле прохладной весенней ночью: это была обстановка, о которой мечтает каждая девушка. Мне было двадцать шесть, но в тот момент у меня кружилась голова, как у влюбленного подростка. Я сказал да, конечно.

Его приняли в медицинскую школу, что обеспокоило моих родителей. Я никогда не забуду тот разговор. Мы ужинали с моими родителями через две недели после помолвки. Дэвид говорил о своих планах поступить в медицинскую школу. Я мог сказать, что мои родители становились неудобными. Я не мог понять, почему, пока мой папа не сказал: «Где вы двое собираетесь жить?»

Конечно, это то, о чем они беспокоились. Когда моя младшая сестра Лорен вышла замуж, у них с мужем не было денег. В итоге они прожили с моими родителями полтора года, полностью истощив скудные пенсии моих родителей.

Дэвид выглядел задумчивым, поэтому я заговорила, чтобы успокоить родителей: «Мы найдем где-нибудь квартиру. Я могу продолжить свою работу». Я тонко пытался дать им понять, что мы не будем для них финансовым бременем.

«Вообще-то, — сказал Дэвид, — я подумывал купить дом. Кэтрин, тебе не нужно работать, если ты не хочешь».

— Тогда как ты будешь жить? — недоуменно спросила моя мать.

Дэвид вздохнул и выглядел явно смущенным: «Мои родители умерли, когда мне был один год. Они оставили достаточно денег для оплаты моего обучения, но я получил свое полное наследство, когда мне исполнился двадцать один год. У меня достаточно денег, чтобы содержать наша семья, пока я учусь в медицинской школе».

Я уставился на него. Деньги никогда не появлялись, поэтому все это было для меня в новинку: «Сколько у тебя денег, Дэвид?»

«Когда я впервые записался на вечерние курсы, у меня было около пятнадцати миллионов фунтов стерлингов. За последние четыре года некоторые из моих инвестиций принесли хорошую прибыль, и теперь мои банковские счета составляют около двадцати двух миллионов фунтов стерлингов».

Я и мои родители были ошеломлены.

Перед свадьбой был еще один важный разговор. "Дэвид? Могу я задать тебе вопрос?"

"Конечно."

«Ну, ты помнишь тот первый раз, когда я заговорил с тобой? Я спросил тебя, есть ли у тебя друзья». Я позволил ему забрать его оттуда.

Он устало улыбнулся: «Да, я полагаю, нам следует поговорить об этом. Нет, в тот момент у меня не было друзей. Когда я рос, у меня не было друзей, но потом я начал учиться в школе,

куда ходили мои родители, когда мне исполнилось одиннадцать. Я подружился. У меня было два лучших друга. У меня были замечательные учителя, я встретил людей, которые знали моих родителей. Это было замечательно. Когда мне было пятнадцать, — вздохнул он, — что-то случилось, и все, кого я знал и о ком заботился, предали меня. Они бездоказательно обвинили меня в чем-то и выгнали из школы и окружающего сообщества. Я не совсем бросил учебу, меня исключили. Я был один в мире в течение десяти лет. Я так привык к изоляции, что Кэтрин, я не знал, как обращаться с нормальным человеческим общением после стольких лет. Вот почему мне потребовалось так много времени, чтобы даже понять, что мне это нужно, — он сделал паузу и сказал: «Я не хочу, чтобы вы поняли это неправильно, но я также боялся, что, если я снова откроюсь людям, меня снова предадут».

Я пытался понять все это: «Как они предали тебя?»

«Я не хочу об этом говорить. Я никогда не хочу думать о них снова. Это была другая жизнь для меня. совершенно счастлив, что никогда больше не буду с ними контактировать».

Я знал, что больше ничего не получу от него по этому вопросу.

Свадьба была идеальной. Там были Лорен и ее муж, мои родители, мой старший брат Джейкоб и его жена Мария. Все мои друзья (большинство из которых вышли замуж задолго до меня) пришли с детьми в пятках. Они дразнили меня тем, что я так поздно вышла замуж. Я был не так уж и стар — всего 26, но большинство из них женились в возрасте двадцати или двадцати одного года.

Пока он еще учился в медицинском институте, я подрабатывала, пока не забеременела. Потом я бросил работу. После рождения Кортни я стала полноценной матерью. Дэвид усердно учился в медицинской школе, чтобы как можно быстрее получить степень, но, поскольку он не работал, он мог проводить время с нами. Он обожал Кортни — она была папиной дочкой. Он водил ее в парк, водил за мороженым, играл с ней. Он был стереотипным точечным отцом. Иногда я просто смотрела на него и дивилась перемене, которая произошла с ним, из угрюмого замкнутого человека, которого я впервые увидела, в любящего, доброго, щедрого и нежного, но все еще тихого мужа, которого я любила. Казалось, у него выросла способность бесконечно любить меня и Кортни, и эта способность, казалось, расширилась еще больше, когда родился Майкл.

Доставка Дэвида Майкла была настоящим приключением. Он знал, что делать, хотя это не было его областью медицины, и, должен сказать, роды у Майкла прошли намного ровнее, чем у Кортни. Это было всего за несколько дней до того, как он получил степень доктора медицины в качестве детского онколога+. Майкл был таким спокойным малышом, в отличие от своей старшей сестры. Кортни больше любит болтать, как и я, в то время как Майкл и Дэвид в большинстве случаев вполне довольны тем, что сидят сложа руки и слушают. Кортни унаследовала рыжие волосы от обеих своих бабушек и голубые глаза от меня. Поскольку у меня каштановые волосы и голубые глаза, а у Дэвида каштановые волосы и карие глаза, я не знаю, откуда у Майкла такие черные волосы и зеленые глаза. Это не встречается в моей семье, и Дэвид не говорил, что это встречается и в его семье.

Дэвид доволен своей работой, по большей части. Время от времени он теряет пациента, что очень тяжело для него, но он помог стольким людям. Некоторые коллеги называют его чудотворцем, потому что он берется за дела, к которым другие врачи даже не прикасаются, потому что надежды мало, а потом добивается ремиссии. Его пациенты любят его, как и родители его пациентов.

Его часы работы в больнице тяжелы для него. Но обычно он возвращается домой на ужин с семьей. Он всегда уходит один день в неделю и получает отпуск на месяц каждое лето. Едем в отпуск. Один год мы ездили в Германию, другой во Францию, третий в Америку. В этом году мы планируем поехать в Шотландию, Уэльс и Ирландию.

Честно говоря, я не уверен, насколько это возможно (я не уверен, как именно работают акции и владение компанией, я не очень хорошо разбираюсь в экономике бизнеса), но я подумал, что это будет весело. Я уверен, вы можете догадаться, кто такой "презренный коллега".

Онколог – онколог

Да, ему удастся втиснуть немного магии, чтобы помочь своим пациентам.

<http://tl.rulate.ru/book/74976/2109753>